

**АКУСТИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА
(на примере татарской музыкальной культуры)**

Свист соловья, стрекотание кузнечика, шум дождя, звон разбившейся чашки, бой часов, гул самолета, летящего в небе, звуки оркестра – хорошо различая звуки, мы, порой, не прислушиваемся к ним, воспринимая их как часть мира, независимо от того созданы они самой природой или человеком.

Все это многообразие выражено в одном слове – звук, которое скрывает за собой жизнь огромного пространства – от глубин океана и недр земли до бесконечности космоса.

Иногда кажется каким-то чудом, когда множество звуков то сливаясь, то следуя друг за другом «выстраивают» красивейшие мелодии (чаще всего не без помощи человека).

С точки зрения физики, звук – это воспринимаемое слухом физическое явление, вызываемое колебательными движениями частиц воздуха или другой среды.

А теперь максимально напрягите свое воображение: вы в поле в жаркий летний полдень или в центре города в морозный зимний день – и почувствуйте, как вас «окутывают» со всех сторон невидимые волны и как сильно «колеблется» воздух.

Жизнь природы и жизнь города – два полюса, два характера, два темпа жизни. Как окружающая среда влияет на восприятие звука, как формируется эстетика звука – попытаемся ответить на эти вопросы.

Звук – одно из природных явлений, которое мы не можем ни увидеть, ни почувствовать, оно рассчитано только на слуховое восприятие, являющееся главным проводником человека в мир музыки. Путь к современной музыке проходит через тысячелетия, привычные нашему слуху звуки, звучания, интонации, музыкальные и ритмические обороты, тембры, приемы движения музыкальной мысли складывались веками и передавались от поколения к поколению сначала из уст в уста, затем через ноты.

У каждого человека свое восприятие звука, у каждой культуры своя эстетика звука. Что же общего между культурой и звуком?

Этот вопрос начал интересовать музыковедов не так давно. Одна из работ, посвященных этой проблеме – «Музыкальные традиции Южной и Юго-Восточной Азии (к проблеме диалога традиционных культур в период древности и средневековья) А.С.Алпатовой. В ней автор объясняет явления названных культур с точки зрения их географического (климатического) расположения, влияния природной среды на восприятие звука и, как следствие этого, формирование определенного музыкального языка и специфической музыкальной терминологии.

В культурологии же давно существует точка зрения, что природная среда, в которой «вырастает» народ и совершает свою историю, определяет

его (народа) лицо. Культура выступает в данном случае как средство адаптации человека к природным условиям. Бесспорно, как пишет Г.Гачев, «тело земли: лес, горы, пустыня, тундра, вечная мерзлота или джунгли, климат умеренный или с катастрофическими изломами, животный мир, растительность – определяет и последующий род труда и образ мира» этноса. (Гачев, с.47).

Следовательно, любой этнос выбирает из природы звуки, накапливая свои звуковые впечатления. По наблюдениям биологов, «каждый однородный в географическом плане уголок планеты имеет свои акустические приметы и по ним вполне узнаваем. Отсюда можно предположить, что устойчивые звуковые образы, предлагаемые средой, например, характерные природно-тембровые краски, и являются тем питательным слоем, который мог когда-то преобразоваться, расслаиваясь, в специфические фонемы речи или, более того, в необычные и, в сущностном, сходные с речевыми музыкальные «привычки» (Имамудинова, с.18).

Таким образом, для понимания особенностей развития культуры, в том числе и музыкальной (звукового и музыкального мышления), как на региональном, так и на историко-культурном уровнях, необходимо учитывать все составляющие сложного и неразделимого целого, каким является взаимоотношение культуры и экологии, человека и природы (Алпатова, с.32).

Общеизвестно, что татарская культура испытала на себе влияние не одной культуры, а значит, и впитала в себя звуковые образы других культур и этносов: тюркской (со времени зарождения болгар как этноса), исламской (арабо-персидской, со времени принятия ислама булгарами), русской (со времени присоединения Казанского Ханства к России). Влияние каждой из этих культур не замкнуто, не ограничено во времени. В определенную эпоху было заметно преобладание одной культуры над другой, но ни одна из последующих не вытеснила предыдущую, сохранявшую одновременно с новшествами глубоко в сознании вновь приобретенную материальную и духовную культуру.

Возвращаясь к географической теории подхода к звуку, звучанию следует сказать, что культура болгар формировалась и развивалась в умеренном климате с преобладанием равнинного рельефа. Когда-то болгары, как и множество тюркских племен, вели кочевой образ жизни, и большая ее часть проходила в степи. А эта среда «предлагала» свои звуковые образы и формировала особые звуковые впечатления. В отличие от акустического пространства (леса и гор), где «звук дробится, многократно отражаясь и отталкиваясь от естественных препятствий – гор, холмов, деревьев или, огибая их, в условиях равнины, степи или пустыни звук рассеивается, распространяется на значительные расстояния равномерно по окружности от своего источника» (Алпатова, с.51). Поэтому важным критерием подхода к звуковому пространству в тюркской и восточной культурах становится не «что», а «как» звучит, акцент переносится на звук, и сфера операций с ним почти ничем не ограничена. По мнению Алпатовой, «относительная бедность (в сравнении со звуковой на-

сыщенностью, например, лесной зоны) природных звучаний и материала для изготовления инструментов определяют область приоритетов в звучаниях и музыке человека и людей: на первый план выходит человеческий голос во всем богатстве и многообразии своих качеств и оттенков» (Алпатова, с.50-51).

Вследствие этого формируется некий темброво-звуковой «идеал» (термин И.И.Земцовского) этноса, который этноса, который ообразно через фонетику его языка, а также особенности устных музыкальных традиций (фольклорных, культовых) (Имамутдинова, с.18). Здесь уже на уровне отдельного тона вырабатывается "уникальный ряд физико-акустических и этико-эстетических норм звука", заставляющих "звучать" по-своему каждый этнос, каждую цивилизацию. (Волкова,с.69)

Вероятно, таким темброво-звуковым «идеалом» для тюркских народов стала *ангемитонная пентатоника*, наверное, наиболее ярко воплотившая в себе акустические представления тюрков о звучании окружающего мира.

Одним из доказательств "природного, естественного" происхождения пентатоники может служить тот факт, что в китайской музыке (которая также относится к территории распространения пентатоники) один из трех терминов, имеющих значение "звук" – *шэн*¹ - используется именно в значении звука, производимого человеком или порожденного природной средой, а также применяется для обозначения пентатонной шкалы (Волкова,с.70).

Одновременно западные музыковеды склонны рассматривать пентатонику как наиболее раннюю стадию музыкального мышления (Христов, Кодай), которая на сегодняшний день служит своеобразным "кодом", "стилевым знаком" и намеком на этнический признак (Хрущев,с.21).

Особое значение человеческого голоса породило в тюркской и восточной культурах такой институт профессионального народного исполнительства, равных которому не было в западной культуре. Татарские и башкирские *чичаны (сэсэнны)*, узбекские и туркменские *бахши*, киргизские *манасчи*, казахские *акыны*, монгольские *тульчи* – все они играли особую роль в культуре своего времени. Именно эти народные поэты, сказители, барды были главными «носителями» профессионализма, совмещая в себе одновременно поэта, музыканта-композитора и исполнителя. Умения импровизировать и остро словить составляли успех певца-поэта. Под аккомпанемент домбры или кубыза рождались их песни и дастаны.

О необыкновенной важности звуковых впечатлений говорит и тот факт, что многие музыкальные термины (по всей вероятности, тюркского происхождения) образовались от звукоподражания, так как именно звук-звучание в первую очередь было выделено человеческим сознанием не только в качестве явления, но и понятийно-терминологически. «Возникновение данного пласта может быть связано, по мнению Алпатовой, с самыми ранни-

---

¹ В древнем китайском словаре Шовэнь (I в. до н.э.) иероглиф шэн использовался для обозначения категории "пять звуков" – ушэн. (Волкова)

ми историческими периодами, временем становления первых государственных образований, а развитие его продолжается и в наши дни... В этот период способность к терминотворчеству проявляется (возможно, почти исключительно) на биогенетическом уровне. И в этой связи звукоподражание является одной из первичных форм термина, а точнее как бы «пра термина», «прототермина»... Звукоподражание – один из основных источников понятийного аппарата (едва ли не речевого аппарата вообще). Об этом свидетельствует тот факт, что в форме звукоподражания находит характерное выражение первичное отношение человека к звучащему миру: предмет называется так или иначе постольку, поскольку он обладает звучанием или характеризуется им» (Алпатова, с.156-157).

Вот некоторые из музыкальных терминов, возникшие, по нашему мнению, из звукоподражания:

Гыжак (от «чесаться, зудеть, саднить») – по мнению лингвиста Севортяна, название этого струнного инструмента имеет звукоподражательное происхождение, передающее характерный призыв при трении смычка о струну²;

Домбра, название которой, возможно, происходит, от древнего названия бубна (Макаров) – *донгер, домбырый* – в свою очередь имитирующего глухой удар (например, о дерево)³;

Дудук, тутук – название духового инструмента, чье название в переводе означает «губы»;

Кынгырау, конра, чан – возможно, эти названия колокольчика, колокола, гонга имеют также звукоподражательную природу, имитирующую удар по какому-либо металлическому предмету;

Такмак - одна из версий происхождения термина (в частности, его корня *так*) – возникло как звукоподражание в процессе труда. Это могло быть битье цепом по зерну, битье колотушками полотна и т.д. (Исхакова-Вамба, с.33).

Чен – в татарской культуре этот термин имеет два значения: первое – древнеперсидский струнный инструмент по типу угловой арфы, второе – *песня-плач* (в татарском и башкирском фольклоре, *песня-повествование* – у мордвы-каратаев и кряшен). В этом значении он возник, вероятно, самостоятельно, в подражание звукам плача, и от него образовались более распространенный в современном языке слова *ченляу* (тат.), *сенляу* (башк.) (*жалобно плакать, скулить*) – *причитание невесты*.

Ык (ых, окча) – смычок. Две версии происхождения термина: 1) от древнего звукоподражательного слова *ык* – *стон, вздох, икота, всхлипывание* (в татарском и башкирском языках - *ык-мык* – *запинаться*) и его производные: *iqsa* – *скрипеть (о двери и т.п.)*, *ikliq, ык-лыг* – скрипка от значения скрип (Севортян, 625); 2) от *ык, ок* – *лук, оружие*, представляющее собой согнутый в дугу стебель и натянутую между концами тетиву.

² Сравните в русском языке термин "скрипка"

³ В монгольском языке название шаманского бубна *дунгер* (от монг. *гул, гудение*) возникло как производное от слова *дуу* – *звук*. (Каратыгина, с.123)

Подобные звукоподражательные термины существуют и в других культурах. В арабо-персидской музыкальной культуре (в частности, в иранской, таджикской и узбекской) название ударного инструмента *накара* (тат. литер. яз – *нэкэрэ, нэгэрэ*) происходит от арабского "*стучать, бить*"; имя ударного инструмента *тумбак*, широко распространенного в Иране в XVII-XVIII вв. возникло из сочетания слогов *бум* (*тум*) и *бак*, которые в музыкальной практике используются для запоминания усулей и обозначения места на мембране инструмента, откуда должен извлекаться звук (центр, ободок или промежуточная часто мембраны) (Малькеева, с.110-111).

В китайской музыкальной культуре, как отмечает музыковед Волкова, много терминов, подражающих звучанию природы. Так, иероглиф *цянциян* используется с различной семантикой – звон металла, колокольчика, камней, пение птиц (Феникса), второй его вид – *цун-цун* – журчание воды, звон металла, музыкальный звук. Название, заимствованной китайцами арфы *кункоу* происходит от сочетания *кун* – "*пустой, воздушное пространство*" и *хоу* – одно из значений "*прекрасный*", "*красивый*". (Вокова, с.77,86)

Переход болгар на оседлый образ жизни оказал, скорее всего, влияние и на их звуковые впечатления. Бескрайние равнины постепенно сменились лесом и рекой. А с лесом связано необычайное разнообразие звуков и звучаний и специфический тип звукоакустической среды, в которой звук может отражаться, отталкиваться, уклоняться, дробиться и т.д. Возможно, тогда же особое значение приобретает в болгаро-татарской культуре звучание курая, способного подражать пению певчих птиц, которых так много в наших лесах.

Большое количество синонимов самого слова *звук* (в тюркском – **тавыш, тауш, тавыс, ун**) привнесла в болгаро-татарскую арабо-персидская культура, пришедшая в Поволжье с исламом, **аваз, аһэн, лэхн, нагмэ, сада, таранэ, навэ.**

Уже в более позднее время (XVII-XIX в.в.) после долгого затишья в татарской культуре начинается возрождаться и одновременно формироваться новый звуковой «идеал» - **мон** (дословно – *печаль, тоска*, имеющий в музыке особое значение *мелодичности* и *певучести*). Этот «исполнительский феномен» (Сайдашева) не объясним. Его не раз пытались расшифровать музыковеды.

Языковед Ахметьянов пишет о том, что этот термин возник и развивался на основе татаро-башкирского деривата *монлы, монло* (алтайский. - *мунлу*, марийский – *мунло*) – *печальный, заунывный*. Он, сравнивая значение этого слова в татарском языке с ближайшими тюркскими языками, приходит к выводу, что в других языках *мон* используется только в значении "*печаль, тоска, нужда*", но не в значении "*мелодия, мелодичность*" (Ахметьянов, с.72)

В XX в. за производным словом *монсу* закрепилось значение "*минорный*", т.е. в сам термин *мон* изначально (и безусловно) вложен смысл печального, заунывного пения, и соответственно содержания музыкального произведения. И как отмечает Ахметьянов, "в современном татарском и башкир-

ском языках в семантике слова *мон* стал превалировать план выражения над планом содержания (поскольку *мон* – это не сама печаль, а ее выражение)... При этом развитие значения слова *мон* привело к проявлению уже чисто музыкальных значений "*мелодичный, насыщенный мелизмами*", а также "*умеющий петь мелизм*" – "*монлы кой*", "*монлы тавыш*" и др (Ахметьянов, с.73).

С.Габяши в ответах на вопросы анкеты журнала «Яналиф» о специфике татарской музыки объяснял его так: «В татарской и башкирской музыке, кроме основных звуков, составляющих мелодию, имеется множество украшающих ее мелких, дополнительных звуков (мелизмов). Их в татарско-башкирских мелодиях очень много, но представители других национальностей их не слышат или не замечают... С самого начала своего зарождения татарские мелодии обладают своей индивидуальной спецификой, определяемой понятием *мон* – звучанием, которое истинно и полно может передать лишь человек, выросший в среде этого народа» (Габяши, с.57).

Наиболее ярко *мон* находит свое проявление в жанре протяжной песни - **озын кой**, требующего от исполнителя большого профессионализма. Но исполнение его не возможно без *мон*'а. Эта категория определяет выражение содержания песен *озын кой*, а не само содержание. Смысл этого слова раскрывается в умении петь мелодично, с особым настроением, обогащая мелодику искусным орнаментом, мелизмами.

Умение петь таким образом всегда ценилось в народе. Если исполнение не возможно передать (определить, выразить) этой категорией, то оно считается плохим, не выразительным, не затрагивающим душу.

Итак, звук зарождается в природе, звук через человека, обряд, культ обретает свойства и качества слова и мысли, статики и движения, пространства и времени. Звук «очеловечивается» в голосе, «опредмечивается» в музыкальном инструменте, «обобществляется» в ансамбле (Алпатова). Он находится в постоянном движении, развиваясь и достигая необыкновенных вершин. Он участвует в обмене звуковым опытом, впечатлениями, звуковым мышлением. На донесенные в памяти через столетия музыкально-звуковые «привычки» накладываются другие, привнесенные из других культур или соответствующие данным природно-акустическим условиям, темброво-звуковые «идеалы». Формируется эстетика звука.

Литература:

1. Алпатова А.С. «Музыкальные традиции Южной и Юго-Восточной Азии (к проблеме диалога традиционных культур в период древности и средневековья)». Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1996.
2. Ахметьянов Р.Г. "Семантическая структура и происхождение терминов вокальной музыки в татарском языке"/"Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья". Сб.статей.Казань,1989.С.71-78

3. Волкова С. "Некоторые аспекты отражения особенностей музыкального мышления китайцев в специальной терминологии"/"Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки". Сборник научных трудов. М,1990. С.64-92
4. Габяши Султан. Материалы и исследования. Казань, 2000.
5. Гачев Г.Д. "Национальные образы мира".М.,1988
6. Имамутдинова З.А. «Развитие культуры башкирского народа и его устные музыкальные традиции». Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1997.
7. Каратыгина М., Дорволжингийн Оюунцэцэг "О смысловой многозначности базовых монгольских музыкальных терминов"/"Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки". Сборник научных трудов. М,1990.С.112-136
8. Малькеева А.А. «Музыкальный инструментарий народов Среднего Востока в аспекте музыкально-исторических взаимосвязей». Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Ташкент, 1983.
9. Макаров Г.М. «Формирование древнетюркского инструментария и татарская музыкальная культура (по материалам музыкальной терминологии)»/ «Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность». Труды международной конференции. Т.2. М., 1997.
- 10.Севортян Э.В. «Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980
- 11.Хрущев М.Н. "Пентатоника – одна из универсалий музыкального мышления? (к постановке проблемы)"/"Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры".Сб.статей.Казань,1996.С.20-28